

Виталий СВИНЦОВ

Основной вопрос философии: миф или реальность?

В течение многих десятилетий — с начала 20-х и до конца 80-х годов — на всем пространстве бывшего СССР (а по окончании второй мировой войны и в странах так называемого социалистического лагеря) изучение и преподавание философии вращалось вокруг проблемы, которую принято было называть «*основной вопрос философии*». Всю историю философии надлежало рассматривать как историю противоборства двух направлений — материализма и идеализма. Характеристика любой философской школы или взглядов какого-либо мыслителя начиналась с ответа на вопрос, к какому из двух названных направлений относится данная школа или философ имярек.

С тех пор ситуация в общественном сознании радикально изменилась и продолжает меняться, однако вопрос о соотношении материального и духовного начал (его наиболее резкая формулировка: что *первично* — материя или сознание?) по-прежнему нередко именуется основным. Сошлюсь хотя бы на известный вузовский учебник, где этому вопросу посвящен специальный параграф¹.

Хорош или плох этот принцип жесткой дихотомической классификации? Оценивая сегодня наше «философское вчера», многие склонны усматривать в нем не одни только негативные черты. Это относится и к так называемому основному вопросу философии, который способен порождать весьма неоднозначные реминисценции. Нельзя не признать, что он был достаточно удобным отправным пунктом для усвоения огромного и весьма разнообразного историко-философского материала, для его упорядочения в научно-исследовательской и особенно педагогической практике. Дихотомия «материализм—идеализм» представлялась надежным компасом для курсирования в безбрежном море философских учений. Универсальность применяемого критерия вроде бы убедительно подтверждалась многочисленными примерами, а редкие исключения, казалось, лишь укрепляли общее правило. Конфронтация материализма и идеализма легко усматривалась и в противостоянии «линий Демокрита и Платона», и в современной философской жизни, где мощной составляющей материалистического направления считалась сама марксистская философия.

Ясно, что сегодняшняя деидеологизация общественности не может обойти стороной и проблему, которую принято было называть основным вопросом философии. Но каковы должны быть эти диктуемые временем перемены? Заслуживает ли основной вопрос философии полного отвержения или его применение нуждается лишь в определенных коррективах?

Отвечая, следует начать с самого начала.

¹ Введение в философию. М., 1990.

Начало

Ретроспективно оценивая возникновение и развитие марксистской философии, трудно отделаться от впечатления: выделение *одного* из множества философских вопросов и его маркирование термином «основной» не лишено элементов случайности.

В самом деле, припомним, что само выражение «основной вопрос философии» *впервые* было введено в употребление лишь в 1886 году в работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Вслед за журнальной публикацией, спустя два года, вышло в свет отдельное издание (с приложением «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса). Именно тогда Энгельс и выдвинул несколько положений, которым досталась удивительная судьба и фантастическая цитируемость (преимущественно на русском языке). «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии,— говорилось в работе Энгельса,— есть вопрос об отношении мышления к бытию». И далее: «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»².

Итак, 1886 год. Три года назад умер Маркс. Энгельсу уже 65 лет, и он занят по преимуществу приведением в порядок и подготовкой к печати экономических рукописей покойного друга и соратника. Марксизм как политическое течение и как социальная доктрина, включающая определенное философское содержание, существует уже четыре десятилетия; к середине 80-х годов он достиг своей зрелости. Не странно ли, что за все это время ни Маркс, ни сам Энгельс *ни разу* не назвали какой-либо из философских вопросов основным. Ничего похожего не обнаруживается и в работах Энгельса, опубликованных после 1886 года. Невольно хочется спросить: а если бы Энгельс не написал работу «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»?..

Припомним далее, что появление этой работы было вызвано определенной частной причиной: она была написана в ответ на книгу датского философа К. Штарке, посвященную жизни и творчеству Фейербаха. А если бы Штарке почему-то не написал этой книги?..

Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения: как было, так и было. Однако элементарный здравый смысл почти всегда подвергается искушению разнообразными «если бы». Заслуживает ли этот здравый смысл порицания, не превращает ли категорический отказ от подобных «если бы» любое событие в фатально предопределенное? С достаточной вероятностью можно предположить, что если бы Штарке не издал своего сочинения и Энгельс не ответил бы ему, то словосочетание «основной вопрос философии» не стало бы одним из центров философской жизни на огромном интеллектуальном пространстве.

Во избежание недоразумений замечу, что тема соотношения материи и духа, а стало быть, и конфронтации материализма и идеализма, разумеется, была в работах Маркса и Энгельса одной из существенных. Пройдя этап увлечения гегелевской диалектикой, а затем период фейербахианства, свое собственное мировоззрение они однозначно характеризовали как материалистическое. Есть и еще один аспект этой проблемы, заслуживающий особого упоминания.

По словам Энгельса, в марксизме материалистическое мировоззрение было *впервые* «последовательно проведено» во всех областях знания³. Речь идет прежде всего о той части марксистской философии, которая была названа материалистическим пониманием истории, а позднее — *историческим материализмом*. Современные представления о социальной философии заставляют

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 282—283.

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч., с. 300.

отнестись к этому словосочетанию с изрядной долей скептицизма, поскольку слово «материализм» в нем слабо связано с понятием материи в собственном смысле. Невольно думается, что здесь перед нами всего лишь аналогия между понятием материи и так называемой материальной жизни общества. Термин «исторический материализм» есть нечто вроде метафоры по отношению к материализму как философскому направлению. В самом деле, весь набор краеугольных понятий, на которых покоится эта концепция («способ производства», «экономический базис», «производительные силы» и т. д.), соответствует тому направлению, которое нынче определяется как *экономический детерминизм* (или даже *технологический детерминизм*)⁴. Отдавая должное марксизму в развитии этого направления, исследователи, однако, не усматривают его прямой связи с той философией, которая исходит из первичности материального начала. С этой точки зрения квалификация всей домарксистской историософии как идеалистической (даже в «исполнении» таких незаурядных исследователей, как Г. Плеханов⁵) сегодня представляется наивной.

Увы, то действительно новое, что марксистская историософия сумела дать в русле экономического детерминизма, связано с утопическими представлениями о формационном характере социального процесса, якобы завершающегося коммунизмом, этим последним звеном «предыстории» и одновременно началом истории подлинной. Гегелевский панлогизм, спроецированный на социальную «материю» (без кавычек в данном контексте это слово не может быть использовано), привел Маркса к выводу, что «экспроприация экспроприаторов» есть лишь частное выражение отрицания отрицания — одного из всеобщих законов движения материи (без кавычек). Недвусмысленным замечанием на эту тему, как известно, заканчивается первый том «Капитала»⁶.

Основоположники склонны были к явно завышенным оценкам своего вклада в социальную философию. Может быть, Г. Уэллс и перегнул слегка палку в своем ядовитом замечании о бороде Маркса, которую «патриархально возносят над миром»⁷, однако нужно признать, что многие характеристики марксистской философии в авторском исполнении не отличаются особой скромностью, как, например, следующее высказывание Энгельса: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»⁸.

Из сказанного видно, что сознательное отстаивание позиций материализма в марксистской философии, как и ее негативное отношение к философскому идеализму, бесспорны.

Разумеется, говоря об основном вопросе философии, Энгельс не мог предвидеть тех удивительных последствий, к которым привела жесткая дихотомия материализм—идеализм всего через каких-нибудь тридцать с небольшим лет, когда марксистская философия была возведена в ранг государственной.

Начало, однако же, было положено.

Продолжение

Продолжение последовало еще до октябрьского переворота, когда В. Ленин с присущей ему решительностью экстраполировал сугубо политическое понятие партийности на всю духовную жизнь общества и, в частности, на философию. Это было уже иное, качественно новое осмысление основного вопроса философии — его слияние с печально знаменитым впоследствии *принципом партийности*.

⁴ См., например, Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961, с. 419.

⁵ См. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 2. М., 1956, с. 642—645.

⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 773.

⁷ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958, с. 40.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 10.

По-видимому, семантический сдвиг термина «партийность» в сознании самого Ленина происходил постепенно, по мере его все большей увлеченности политической борьбой. Во всяком случае, в статье «Партийная организация и партийная литература» (1905) слово «партийность» еще употребляется им в естественном для русского языка значении партийной принадлежности литератора. Речь идет всего лишь о «партийной литературе и ее подчинении партийному контролю»⁹. Под партийной литературой при этом понимались научные или публицистические произведения членов партии. Принцип партийности в таком понимании означал всего-навсего, что вступивший в политическую партию литератор должен либо подчиниться установленной дисциплине, либо выйти из партии. Но эта элементарная мысль спустя каких-нибудь три-четыре года трансформируется в зловещую формулу с неопределенно широким диапазоном применения: в «великом произведении творческого марксизма» (как долгие годы официально именовалась книга «Материализм и эмпириокритицизм») уже утверждалось, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»¹⁰.

Крайняя нетерпимость к инакомыслию, безапелляционность, выходящий за границы приличий тон полемики, и прежде всего примитивная «классовая» квалификация идеализма (или псевдоидеализма) XIX—XX веков как «буржуазной философии» — все это не оставляло сомнений в том, каким будет дальнейшее применение принципа партийности в случае благоприятного для большевиков политического развития событий. И вряд ли слишком гиперболична оценка, которую дал «Материализму и эмпириокритицизму» Н. Валентинов: «От этой книги идет уже прямая, хорошо выглаженная бульдозерами дорога к государственной философии, опирающейся на ГПУ-НКВД-МГБ»¹¹.

Патологическая ненависть Ленина к идеализму (как и к религии) хорошо известна; достаточно красноречивы слова «сволочь идеалистическая» (в адрес Гегеля)¹², начертанные вождем на полях своего конспекта гегелевской «Логики» всего за несколько лет до октябрьского переворота. После прихода большевиков к власти судьба «идеалистической партии» в России не вызывала сомнений.

Одним из первых результатов применения принципа партийности в послеоктябрьский период, как известно, стала массовая высылка деятелей культуры в 1922 году. Это событие многократно описано и проанализировано. Отмечалось, что, выслав из страны, стоявшей тогда на перепутье, лучших представителей ее интеллигенции, большевизм нанес непоправимый урон отечественной культуре. Это так, но о философии нужно сказать особо. Будучи одной из наиболее свободных форм развития человеческого духа, она и пострадала едва ли не более всего. Недаром изгнание 1922 года часто маркируется знаком философии — выражение «пароход философов» стало своего рода символом этого трагического события (среди высланных было много философов, вскоре снискавших мировую славу, — Н. Бердяев, Н. Лосский, П. Сорокин и др.). Дело в том, что философия с ее тягой к свободомыслию, с ее потенциальным неприятием всякого антиплюрализма (в духе основного вопроса философии, а тем более принципа партийности) оказалась по отношению к большевизму одним из самых резистентных элементов русского общественного сознания. По самой своей сути она несовместима с внедрением единомыслия, задуманного в государственном масштабе.

Прекрасные слова записал в своем дневнике Э. Ионеско: «Думать не так, как другие, это значит просто думать. Другие, которые считают, будто они думают, обычно без всяких размышлений принимают все лозунги и призывы, вынесенные временем, или же становятся жертвой кипящих и всепожирающих страстей»¹³. Это замечание как нельзя лучше соответствует ситуации, сложившейся в после-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 102.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 380.

¹¹ Валентинов Н. Встречи с Лениным, «Волга», 1990, №2, с. 126.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 267.

¹³ Ионеско Э. Противоядия. М., 1992, с. 83.

октябрьской России, и поведению тех, кто был изгнан. Они «просто думали», т. е. думали «не так, как все», а точнее — не так, как всем приказано было думать. Их оппозиция большевистской диктатуре носила характер не политического, а нравственно-интеллектуального сопротивления. За редким исключением никто из них не участвовал в «контрреволюционной» деятельности, что со всей очевидностью подтверждается сохранившимися материалами. Так, например, фамилия Бердяева многократно упоминается в протоколах допросов ВЧК, однако инкриминировать ему какие-либо политические противоправные действия так и не удалось¹⁴. Фабрикация же дел о «шпионаже», «вредительстве» и т. п. тогда не получила еще столь широкого распространения, как впоследствии.

Иногда задаются вопросом: в какой степени изгнание 1922 года было закономерным и в какой — случайным, связанным с самодетельностью Ленина, Троцкого, Дзержинского? Вероятно, в той же степени, в какой случайным или необходимым для России стал процесс трансформации марксизма в ленинизм. Несколько десятилетий спустя Бердяев объяснял большевистскую примитивизацию марксизма его «русификацией и ориентализацией»¹⁵. Нельзя не признать, что в этом явлении определенную роль сыграли деревенская отсталость России и то, что принято называть ее евразийством. И все же я рискнул бы утверждать, что в самом марксизме были заложены возможности именно такого («ленинского») его прочтения. Это относится и к основному вопросу философии, который так быстро и успешно был трансформирован в пресловутый принцип партийности.

Как бы то ни было, на деле это привело к растянувшемуся на десятилетия процессу фактической *дефилософизации* России. То, что существовало под названием диалектического материализма, что преподавалось как марксистская (или марксистско-ленинская) философия, в конце концов было примитивизировано до уровня, несовместимого с понятием философии как таковой. Начало «философского возрождения» исследователи связывают с возвращением идей плюрализма и датируют шестидесятыми годами¹⁶. Но до «возрождения» основной вопрос философии и принцип партийности успели как следует «поработать».

Апогей

Философия была втянута в политический водоворот так называемого социалистического строительства и вкуче с другими общественными науками подверглась жесточайшему идеологическому прессингу. Апогей этого процесса приходится на 30—50-е годы. Лишь в самом конце 50-х годов под влиянием общеполитической «оттепели» стали оттаивать и некоторые участки философского ледника.

В публикациях последнего времени, где в общем-то с достаточной полнотой и объективностью рисуется картина деградации отечественной философии в указанный период, нет-нет да и проскальзывают попытки усмотреть нечто рациональное во взглядах отдельных идеологических функционеров, например А. Деборина¹⁷. Однако достаточно беглого знакомства с материалами так называемых дискуссий 30-х годов, одним из самых активных участников которых был Деборин, чтобы убедиться в их псевдофилософском характере¹⁸. По мнению В. Вернадского (кстати сказать, выступавшего против избрания Деборина академиком), советская философия этого времени занималась по преимуществу тем, что выискивала «сознательные и бессознательные ошибки и ереси, уклонения от

¹⁴ См. Красная книга ВЧК. М., 1992.

¹⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 89.

¹⁶ См., например, Садовский В. Н. Философия в Москве в 50-е и 60-е годы. «Вопросы философии», 1993, № 7.

¹⁷ См. Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е годы). «Вопросы философии», 1991, № 10.

¹⁸ Протокольные записи нескольких дискуссий воспроизведены недавно в журнале «Философские науки» (1991, №№ 5, 6, 9, 10; 1992, № 1).

официально признанной государственной философии»¹⁹. Сочинения партийно-философских функционеров были пронизаны не только не скрываемым, но, напротив, культивируемым духом «классовой борьбы», причем главным объектом массированных атак был, разумеется, идеализм — реальный или (чаще) мнимый. Итак, основной вопрос философии не был забыт, он то и дело воспроизводился в разнообразных политических контекстах (о чем свидетельствует нелепейшее по смыслу словосочетание «меньшевиствующий идеализм»). Удивительно, но факт: Н. Бухарин, находясь в тюрьме и, быть может, почти уже не заблуждаясь относительно своей дальнейшей участи, пишет «Философские арабески», главным содержанием которых является все та же критика идеализма²⁰. Публикацию отдельных глав этой работы журнал «Вопросы философии» снабдил вступительной статьей, автор которой, как мне представляется, слегка фантазирует, пытаясь усмотреть в ней некие глубокие подтексты (впрочем, и подтексты-то политические)²¹. Работа Бухарина не лишена определенных литературных достоинств, и уже одно это ставит ее выше сотен безликих, безграмотных, косноязычных статей и брошюр периода так называемого социалистического строительства с их псевдофилософским содержанием. Но, внимательно перечитав опубликованные фрагменты, я не смог обнаружить в них каких-либо особых достоинств, имеющих отношение к философии. Надо ли добавлять, что «Арабески» писались тогда, когда были сочтены дни П. Флоренского и Г. Шпета, арестован и брошен в концлагерь А. Лосев, отлучены от науки и высшей школы сотни «буржуазных» ученых. Отчетливое «педалирование» идеи взаимосвязи между философией и политикой в «Арабесках», хотел того Бухарин или нет, фактически оправдывало практику преследования философского инакомыслия. (Здесь, вероятно, уместно заметить, что академик И. Павлов относился к Бухарину примерно так же, как Вернадский — к Деборину. Павлов достаточно хорошо знал философию; особенно ценил Р. Декарта и Г. Спенсера, считая их предтечами создания теории рефлекторной деятельности живого организма. Однако он был невысокого мнения о философии Маркса и его российских последователей. Согласно одному из мемуарных источников, Павлов голосовал против избрания Бухарина академиком²².)

Уже к началу 30-х годов уличение в идеализме рассматривалось как едва ли не равносильное обвинению в контрреволюционной деятельности со всеми вытекающими из этого «организационными» последствиями. Это было страшное обвинение, его боялись не только философы, но и все, кто занимался интеллектуальной деятельностью.

Вторая половина 30-х годов ознаменовалась появлением еще одного «великого произведения творческого марксизма». В виде параграфа известного учебника по истории ВКП(б) публикуется работа И. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая спустя некоторое время была названа «подлинной вершиной марксистско-ленинской философской мысли»²³. Не стоило бы ни комментировать эту оценку, ни даже упоминать саму работу, если бы она не представляла собой еще одну наипримитивнейшую вариацию на тему двух дихотомий: «материализм—идеализм» и «диалектика—метафизика». Антиидеалистические заклинания становятся после этого почти ритуальными для каждой философской статьи, брошюры, монографии, для каждой лекции. В конце 40—начале 50-х годов под аккомпанемент этих заклинаний осуществляются и все философские агрессии на территориях иных наук (борьба с генетикой, кибернетикой и т. д.).

Что касается философии и особенно истории философии, то и здесь может быть закреплен любопытный сдвиг в сторону усиления принципа партийности (в

¹⁹ Цит. по: Мочалов И. Творчество В. И. Вернадского и философия. «Философские науки», 1988, № 4, с. 104.

²⁰ См. Бухарин Н. И. Философские арабески. «Вопросы философии», 1993, № 6.

²¹ См. Огурцов А. П. Неизвестный Бухарин. «Вопросы философии», 1993, № 6.

²² См. Икрамов К. Дело моего отца. «Знамя», 1989, № 5, с. 79.

²³ Сталин И. В. Краткая биография. Составители Г. Ф. Александров и другие. М., 1947, с. 165.

ленинском понимании термина). По-видимому, на партийно-политическом Олимпе было сочтено, что правило жесткой дихотомической классификации не соблюдается с должной степенью строгости, и оно было введено в само *определение предмета* истории философии как науки. Это произошло в 1947 году на известной дискуссии по книге Г. Александрова «История западноевропейской философии»²⁴. Соответствующее определение — фактически на уровне идеологического постулата — было дано А. Ждановым, главным партийным идеологом того времени. Вот как об этом «выдающемся» событии говорится в одном из солидных историко-философских сочинений: «А. А. Жданов... дал определение предмета истории философии, согласно которому история философии есть история зарождения, возникновения и развития научно-материалистического мировоззрения и его законов, а поскольку содержанием истории философии является борьба материализма с идеализмом, постольку история философии есть история борьбы материализма с идеализмом»²⁵. В течение длительного времени ждановское определение в качестве преамбулы прилежно воспроизводилось во всех работах по истории философии, включая самые авторитетные академические издания²⁶. После этого любой философ всех времен и народов, по определению, как принято говорить в математике, должен был быть отнесен к материалистическому или идеалистическому направлению.

Эта, если можно так выразиться, дефиниционная обреченность истории философии на борьбу материализма против идеализма (с прогнозируемой неизбежной победой первого над вторым!) оказалась одним из самых стойких элементов отечественной философии, включая даже постперестроечный период. Еще какой-нибудь десяток лет назад солидные монографии посвящались «великой конфронтации» материализма и идеализма²⁷. При этом основной вопрос философии не только характеризовался как великое открытие Энгельса, но и по-прежнему связывался с ленинским принципом партийности: «Маркс и Энгельс... установили существование буржуазной философии», а «разработанное ими философское учение они назвали философией пролетариата»... «Противопоставление партийности и научности, столь характерное для буржуазных исследователей, выражает основные особенности буржуазной деятельности, которая по природе своей ненаучна»... «Партийность философии — это ее социальный пафос, конкретно-историческая направленность, которая определяет все ее содержание»²⁸.

Разумеется, события последнего десятилетия не могли не повлиять на общий подход к противопоставлению материализма и идеализма в истории философии. Сразу и полностью отказаться от принципа партийности было не так-то легко, но с некоторых пор ссылки на него стали сопровождаться оговорками разного рода. Так, в уже упоминавшемся вузовском учебнике говорится: «Фронтальное противостояние направлений (материализм—идеализм, диалектика—метафизика) и социальную ориентированность философских взглядов В. Ленин называл *партийностью философии*. Это не надо понимать упрощенно — как непременную принадлежность философа к той или иной партии или ориентацию на определенные социальные силы общества. Социальная обусловленность концепций носит сложный опосредованный характер»²⁹. По-видимому, это было одной из последних апелляций к принципу партийности, одним из последних его «обозначений» в более или менее позитивном контексте.

Возвращаясь к истокам этого идеологического атавизма, следует констатировать,

²⁴ Опубликованная недавно статья В. Исакова, основанная на материалах рассекреченных партийных архивов, показывает, что Сталин непосредственно контролировал дискуссию и, в частности, редактировал доклад А. Жданова. Одна из его поправок относится к вопросу о предмете истории философии. См. Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 года. «Вопросы философии», 1993, № 2.

²⁵ Краткий очерк истории философии. М., 1960, с. 696.

²⁶ См., например, История философии в 4-х томах. Т. 1. М., 1957.

²⁷ Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М., 1984.

²⁸ Там же, с. 266, 286.

²⁹ Введение в философию. М., 1990, с. 69.

что главным его стимулятором был провозглашенный в марксизме инструментальный подход к философии, гипертрофированный в ленинизме. Согласно этому подходу, философия должна была принять непосредственное участие в «изменении мира». Марксистская философия была якобы призвана разделить с пролетариатом его «великую историческую миссию» — миссию «могильщика буржуазии». Россия стала одним из главных полигонов испытания этого губительного тезиса.

Лишь политическим затмением, характерным для определенного периода нашей истории, можно объяснить, почему философия, одна из высших форм проявления человеческого духа, была объявлена партийной, в каком бы смысле это слово ни употреблялось. Похоже, лишь в самые последние годы наконец-то осознали, что негоже унижать философию словом, торопливо, в угоду злобе дня заимствованному из политического лексикона. Словом, которое не принесло отечественной культуре ничего, кроме позора.

Отказ от принципа партийности в решении проблемы соотношения материального и духовного должен рассматриваться как первое из действий, направленных на отделение плевел от пшеницы.

Первое, но не единственное.

Плевелы и пшеница

Итак, безобидное, на первый взгляд, «начало» привело к ситуации «апогея», когда собственно философское содержание так называемого основного вопроса философии фактически было вытеснено идеологией и политикой.

Но так ли уж неизбежна была эта печальная эволюция? Не стала ли она результатом побочных влияний, тех искажений, которыми, как полагают, подверглись марксистская философия и марксизм в целом? Учитывая, что вопрос о соотношении материального и духовного сам по себе обладает бесспорной философской ценностью, не состоит ли сегодняшняя задача лишь в том, чтобы вернуться к его изначальному смыслу, очищенному от идеологических и политических наслоений минувших десятилетий?

С этим можно было бы согласиться при одном условии: деидеологизируя так называемый основной вопрос философии, следует одновременно отказаться и от его абсолютизации, лишить ореола универсального критерия, в качестве которого он так долго использовался. Ибо конфронтация материализма и идеализма не только не исчерпывает истории философии, но и едва ли может быть названа главным ее содержанием. Дилемма «материя или дух» и раньше-то была приоритетной не для всех мыслителей. Что же касается «новейшей» философии, то с конца XIX века эта проблема в большинстве философских школ либо вообще игнорируется, либо является периферийной.

Деабсолютизация (или, если угодно, деуниверсализация) того, что принято было называть основным вопросом философии, имеет несколько аспектов.

Прежде всего вспомним, что понятия «материя» и «сознание», а стало быть, и номинируемые на этой основе «главные» философские направления есть результат и продукт определенного социокультурного развития. Это лишает дихотомию «материализм—идеализм» диахронической универсальности. В частности, ее проекция на античную философию (не говоря уже о древневосточной) есть аберрация, чреватая неизбежными упрощениями. Проблема соотношения материального и духовного приобретает смысл лишь на основе выделения неких субстанциальных характеристик — таких, как протяженность (атрибут «тела») или мышление (атрибут «души»), которые конституируются гораздо позднее. И если платоновские «эйдосы», рассматриваемые как своего рода «порождающие модели» вещей (А. Лосев), можно ассоциировать с идеализмом, то с материалистическим направлением дело обстоит куда сложнее, Термины «наивный» или «стихийный», которыми обычно сопровождаются характеристики взглядов Фалеса Милетского, Гераклита Эфесского и других мыслителей, вряд ли корректно совместимы с понятием материализма как философского направления. Я пола-

гаю, например, что известные нам сто с небольшим фрагментов Гераклита (которого за неопределенность его высказываний комментаторы прозвали Темным) не дают оснований для зачисления его в «лагерь» материализма, хотя бы и наивного. Если уж какой-либо «изм» в этой ситуации обязателен, то Гераклита в соответствии с его взглядами следовало бы назвать «огнистом», Фалеса — «водистом» и т. п.

Нетождественность менталитетов античности и современности, крайняя неопределенность суждений тех, кто жил и творил более двух тысяч лет тому назад, не говоря уже о трудностях перевода,— все это впоследствии сделало возможным перетягивание «историко-философского одеяла» представителями возникших позднее материализма и идеализма. Ленин, противопоставляя друг другу «линии» Демокрита и Платона, ругательски ругал Гегеля за попытку перетянуть Эпикура «на свою сторону». Гегель же совершенно искренне пытался истолковать некоторые высказывания атомистов в идеалистическом духе, и было бы опрометчиво считать его попытки лишеными каких-либо оснований. (К таковым можно отнести хотя бы свидетельство Аэция, согласно которому Демокрит полагал, что атомы не имеют веса³⁰.) Но разве выдвинутая Демокритом концепция связи непрерывного и дискретного сама по себе не была великим открытием, знаменующим новый метод познания, новый способ видения, новый образ мира? Эта новизна и это величие с достаточной четкостью выражаются понятием «атомизм» независимо от его материалистического или идеалистического «наполнения»³¹. Атомизм — это и есть тот самый «изм», применение которого в данной ситуации не вызывает сомнений.

Принцип жесткой дихотомии ведет к упрощениям при описании деизма XVII—XVIII веков или, скажем, пантеизма Спинозы, хотя и по иным причинам. Не укладывается в прокрустово ложе дихотомии и Кант. Пришлось квалифицировать его философию как некий гибрид материализма и идеализма, уязвимый для критики с обеих сторон. Еще до октябрьского переворота Деборин характеризовал философию Канта как эклектическую. Ленин писал о критике Канта «слева и справа», лишней раз демонстрируя тем самым присущий ему подход к философии с позиций политического прагматика. Надо ли напоминать, что кантовская «эклектика» — с ее перемещением акцентов от субстанции к субъекту, от абстрактного бытия к деятельностной стороне отношения человека к миру — по своему влиянию на историко-философский процесс несоизмерима не только с деборинскими, но и с ленинскими построениями.

Когда в самом конце XIX века зародилось направление, развившееся в одну из главных ветвей новой философской дисциплины — методологии науки,— Ленин увидел в этом лишь беспочвенную претензию на «беспартийность», маскирующую действительный идеализм «буржуазных» философов. Эта прямолинейная квалификация эмпириокритицизма сохранялась до самого последнего времени³². Между тем из так называемого махизма выросла аналитическая философия (логический эмпиризм), исследующая научное знание на уровне, образно говоря, гносеологической микрохирургии. Как известно, вопрос «об отношении мышления к бытию» многими из представителей этого течения не только не считается основным, но относится к так называемым псевдопроблемам. С последним, разумеется, можно и не соглашаться, но суть дела в другом: неоспоримо право любой философской школы на свободный выбор именно данной, а не какой-либо иной проблематики в качестве приоритетной. Навязывание какого-либо «основного» вопроса с этой точки зрения есть элементарный абсурд.

Характерные для нашего времени «стыковые» ответвления методологии науки привели к тому, что термин «философия» включается в самые разнообразные, подчас неожиданные контексты. Это не только общепризнанная «философия

³⁰ См. Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 72. С этой точки зрения позицию Демокрита можно попытаться (при сильном, впрочем, желании) сблизить с монадологией Лейбница.

³¹ Понятие «атомизм» как таковое обосновывает В. Чудинов, отделяя «методологическую сторону атомистики от конкретного естественно-научного содержания» (Чудинов В. А. Атомистические концепции в современном естествознании. М., 1986, с. 5).

³² См. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

естествознания», но и «философия математики» (Б. Рассел), «философия грамматики» (датский лингвист О. Есперсен), даже «философия книги» (видный отечественный книговед М. Куфаев). Что же, и здесь следует начинать с «основного вопроса», искать материализм или идеализм? С этой точки зрения выдвинутая, например, Расселом теория числа оказывается весьма уязвимой, ибо никаких указаний на связь математических абстракций с «объективной реальностью» она принципиально не декларирует.

Сказанное, разумеется, ни в малейшей степени не ставит под сомнение существование проблемы «материя и дух». Она является одной из вечных проблем философии, вряд ли разрешимых в обозримом будущем. Она сохраняет свою актуальность и как одна из загадок мира, и как возможный принцип систематизации историко-философского материала. Речь, таким образом, идет вовсе не о том, чтобы дискредитировать эту проблему, а о том, чтобы лишить ее ореола универсальности. Для этого достаточно осознать, что «основной вопрос философии» — это всего лишь одно из многих оснований для упорядочения философских учений, школ, взглядов.

Из элементарных курсов логики хорошо известно, что любая совокупность объектов в принципе подвержена делению по разнообразным основаниям. Философские взгляды в этом смысле не составляют исключения. И здесь классификационные операции могут осуществляться по разным основаниям, из коих ни одно не должно считаться априорно облигативным. Квалификационные оценки, связанные с проблемой «материя и дух», при этом не исключаются, однако в каких-то контекстах они вполне могут рассматриваться как подчиненные или даже факультативные. Так, выделяя в философии XVII—XVIII веков в качестве самостоятельного течения английский сенсуализм (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм), мы можем использовать проблему взаимоотношения материи и сознания на «втором ярусе» этой классификационной ветви либо даже вообще абстрагироваться от различий между материалистическими и идеалистическими воззрениями, полагая их несущественными. В настоящее время классификационным основанием часто считается предметная отнесенность соответствующих философских взглядов. Например, в сциентистском, антропологическом и теологическом направлениях философии применение «основного вопроса» факультативно.

Абсолютизация проблемы соотношения материального и духовного, думается, отразила антиплюралистичность, которая в виде истоков была свойственна марксизму, затем раздута в ленинизме и доведена до абсурда. Эксклюзивность того или иного духовного феномена декларировалась не только в «ключевом» понятии *единственно научного мировоззрения*, но и в других терминологических маркировках, где в скрытом виде наличествовала та же исключительность, единственность.

В последние годы автор этих строк пытался найти ответы на несколько экзистенциальных вопросов, связанных с недавним прошлым. Схожесть этих ответов, по-видимому, не случайна. Существовал ли социалистический реализм (как некий исключительный метод адекватного художественного отображения социальной действительности)? — Да, существовал, но..! он не был реализмом³³. Существовала ли (существует ли) диалектическая логика как некая высшая форма логического познания действительности? — Да, существовала (а для кого-то продолжает существовать), но... она не была и не может быть логикой в сколь-нибудь строгом смысле этого термина³⁴.

Аналогичный ответ напрашивается и при рассмотрении вопроса о соотношении материального и духовного. Нет сомнений, что этот вопрос существует и является весьма важным. Однако он, как и всякий иной философский вопрос, все же не может быть назван основным.

³³ См. Свинцов В. И. Правда «черная» и «белая». «Вопросы философии», 1989, № 9.

³⁴ См. Свинцов В. И. Существует ли диалектическая логика? «Общественные науки и современность», 1995, № 2.